

РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФЕНОМЕНА МЕЖДУНАРОДНЫХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ СОВРЕМЕННОСТИ

Кучин Александр Васильевич

*Соискатель, Волгоградский государственный социально-педагогический университет
kuchinalexandr21@gmail.com*

RISKS AND PROSPECTS OF THE PHENOMENON OF INTERNATIONAL NON-GOVERNMENTAL POLITICAL ORGANIZATIONS IN THE CONTEXT OF MODERN PHILOSOPHY

A. Kuchin

Summary: The article presents the problem of understanding modern society in the light of the influence of Non-governmental organizations (hereinafter referred to as NGO) on it. The conditions of the emergence of the phenomenon of modernity in the period of Modern times are investigated. The features of the phenomenon of modernity, in terms of relation to time, the transfer of axiological aspiration from the eternal to the present, are also considered. In addition, the paper examines the historical background and circumstances of the emergence of NGO, their development and evolution. An attempt is made to substantiate the NGO as a phenomenon of modernity. The possible social risks posed by the activities of the NGO are considered, primarily in matters of subjectivity, and the requirements for eliminating these risks are substantiated. The purpose of the research underlying the article is to establish the following interrelationships: between the modernization of society and the increase in NGO in it, between the increase in NGO within society and its modernization, between the modernization of NGO and the radicalization of oppositions «subjectivity – abstraction». The author examines the historical, social and political reasons for the emergence of the MNPO, analyzes them as possible in the conditions of the «modern era» and explores the relationship between NGO and subjectivity. The article concludes that the modernization of society and the increase in the number of NGO in it, the number of NGO S and the degree of modernization of society, as well as the radicalization of the «subjectivity – abstraction» oppositions, are interrelated.

Keywords: the era of modernity, NGO, abstraction, subjectivity, a world without a subject.

Аннотация: В статье поставлена проблема осмысления современного общества в свете влияния на него Международных неправительственных организаций (далее — МНПО). Исследованы условия возникновения феномена современности в период Нового времени. Также рассмотрены особенности феномена современности, в части отношение ко времени, переноса аксиологического устремления из вечного в настоящее. Кроме того, в работе рассматриваются исторические предпосылки и обстоятельства возникновения МНПО, их развитие и эволюционирование. Делается попытка обоснования МНПО как феномена современности. Рассматриваются возможные социальные риски, несомые деятельностью МНПО, прежде всего в вопросах субъектности, и обосновываются требования устранения данных рисков. Целью исследования, лежащего в основе статьи, является установление следующих взаимосвязей: между модернизацией общества и увеличения в нем МНПО, между увеличением МНПО внутри общества и его модернизацией, между модернизацией МНПО и радикализацией оппозиций «субъектность – абстракция». Автор рассматривает исторические, социальные и политические основания возникновения МНПО, анализирует их как возможные в условиях «эпохи современности» и исследует связь между МНПО и субъектностью. В статье делаются выводы о том, что модернизация общества и увеличение в нем числа МНПО, количество МНПО и степень модернизации общества, а также радикализация оппозиций «субъектность – абстракция», находятся во взаимосвязи.

Ключевые слова: эпоха современности, МНПО, абстракция, субъектность, мир без субъекта.

Чтобы рассмотреть степень изученности влияния МНПО на современное общество с позиции социально-философской проблематизации, необходимо рассмотреть изученность феномена современности как такового в общем и его социальных особенностей, в частности.

Сам термин «эпоха современности» впервые был употреблен Г.В.Ф. Гегелем [1, с. 7], что выразило его отношение ко времени, в котором он жил, как к некой

новой эпохе. Именно Гегель представляет возможным очертить нижнюю границу эпохи современности. Его современники и поздние последователи И. Фихте, Л. Фейербах, К. Маркс, Ф. Ницше, Ж.-П. Сартр, К. Ясперс и многие другие также понимали свое время как эпоху современности.

Отдельно необходимо отметить два противоположных отношения к социальной современности, которые условно можно назвать вольтеррианским и шпенглериян-

ским. По вольтеррианской концепции, история разворачивается в одном направлении, независимо от современников, это принципиально «календарно-историческое» время, где современность становится всеобщей, глобальной.

При шпенглеровском отношении необходимо учитывать степень «цивилизационно-культурного» состояния развития общества, когда в одном временном периоде могут существовать общества различной степени современности.

Оба эти подхода одинаково заслуживают философского анализа, при этом социальная реальность демонстрирует, что идея «эпохи современности» возникла и получила наибольшее раскрытие на Западе, при этом западная цивилизация глобализирует современность. Таким образом, социальная реальность выявляет практический синтез этих подходов, а сама современность, прежде всего, есть социальный феномен.

Ю. Хабермас, рассматривая современность через призму социальности, отметил «всегда не завершённый» характер современности [2, с. 12 - 13.], Э. Хобсбаум исследовал современное общество, понимая саму современность как исключительно однородный феномен [3, с. 215].

Так, Ю. Хабермас отмечает, что в Новом времени субъект меняет свое отношение ко времени, перенося прежде всего аксиологические устремления из вечности в настоящее. Настоящее ставит вопрос необходимости преобразования, а время воспринимается не как ресурс для утверждения в вечной жизни, а как ресурс для преобразования наступающего, к моменту, когда оно станет настоящим. Вопрос такого преобразования становится в том числе и темой прогресса. Вместе с тем и наступающее воспринимается как объект, подлежащий изменению. Именно утверждение в настоящем дает основание современности формировать себя из актуальности, тем самым разрывая аксиологические связи с предшествующим. Радикально утверждаясь в настоящем, современность отрицает трансцендентное к себе, выявляя необходимость постоянного изменения самой себя, в том числе и в общественных отношениях. Разрывая аксиологические связи с предшествующим, современность становится «метапроектом для себя», где рациональность, занимая место близкое к сакральному, обеспечивает упорядочивание настоящего и преобразование наступающего, при этом рациональное становится имманентным к современности.

Преобразование настоящего как проблема и наступающего как необходимость для последующего преобразования проблемных мест наступившего (закон отрицания отрицания), выявляет постоянное дробление современности, конфликты внутри современности, од-

новременные требования все большей модернизации и «гибель утопий» [4, с. 100 – 101]. Постоянное дробление современности усиливает радикализацию автономности индивида [5, с. 24 – 25]. Крушение метанарративов экзистенциально выявляет заброшенность, а расщепление объективных продуктов современности путем их непрерывного преобразования вскрывает для индивида названное М. Хайдеггером «Ничто» [6, с. 27]. Индивид понимается как абсолютная форма [1, с. 12], одновременно происходит дробление любой субъектности: государственной, общественной, индивидуальной с дальнейшим восприятием их частей как новых субъектов.

Кроме того, расщепление социального бытия производит новый феномен – «абстракцию» [7, с. 128- 133], за которой нет социальных связей, нет социального, шире – нет ничего. Это топос, куда субъект, преобразующий современность «никогда не дотягивается». Если в традиционном обществе идеальная вечная жизнь очевидно осмысляется, как бытие вне абстракции, где субъект действует во времени в соответствии с идеей, чтобы избежать абстракции. Модерн же, объективно утверждаясь в современности, отказывается от идеи преодоления абстракции, неизбежно в своем утверждении с абстракцией сталкивается. Таким образом, феномен абстракции можно описать как вызывающий экзистенциальные переживания, близкие к Хайдеггеровскому «Ужасу» и, как следствие, «Проглядыванию Ничто», через абстракцию. При этом, субъектность, утверждаясь в современности, отодвигает абстракцию, но там, где субъектность исчерпывается, за ней наступает абстракция. Таким образом, абстракция – противоположна субъектности. Субъект современной социальности, будучи утвержденным в самостоятельности, одновременно не может принять решение в той степени, в которой сталкивается с абстракцией. Так, до конца индивид не знает, как ответит объективная реальность, государство не уверено в реакции объективных институтов, общество не знает, какова будет собственная объективная реакция. В этом смысле, возникшая оппозиция между субъективацией и абстракцией не имеет синтеза. Негативная диалектика Т. Адорно, проводя выравнивание оппозиций, ведет к тому, что субъект начинает искать «основание», в связи с чем, хоть он и приобретает «устойчивость», но отступает перед абстракцией.

Таким образом, проблематизация перспективы модерна лежит в плоскости утраты субъектности. «Мир без субъекта» – достаточно молодое направление философского исследования, которое нашло отражение в школах объектно-ориентированной онтологии [8, с. 75- 90], акторно-сетевой теории [9, с. 113- 143], темного витализма [10, с. 21- 23] и темной экологии [11, с. 140- 141].

Само утверждение субъекта в настоящем есть вопрос современности. Раздробление субъектности госу-

дарства, в процессе которого, в частности, образуются МНПО как субъекты международного права и отношений и утверждение МНПО в качестве таких субъектов всегда направлено на утверждение субъектности МНПО в современности. Феномен межгосударственных институтов, не зависящих от правительств и правителей, известен с эпохи античности (институты эллинизма на обломках империи Александра), в Средние века это Церковь. При этом, в Средние века сложился опыт отношения как между одним межгосударственным институтом и рядом государств – Католическая Церковь и королевства Западной Европы, так и несколькими межгосударственными институтами, центры которых находились на территории одного государства – Православные Патриархии и Византия. При этом, за Католической Церковью была признана международная субъектность, так межгосударственный институт, впервые получил такой статус. Однако очевидно, что основанием такого признания, было утверждение Церковью себя в вечности, противоположное современности.

В эпоху Возрождения межгосударственными институтами становятся школы искусства и гуманизма. В Просвещении уже институты, основанные на ценностях Познания и Рациональности, становятся межгосударственными. Но именно в эпоху современности произошло одновременное утверждение субъектности МНПО в настоящем и признание за МНПО международной субъектности.

Так, МНПО, становясь феноменом современности, при этом опираясь на конструктивистский подход в международных отношениях [12, с. 391- 425], начинает само воспроизводить современность внутри обществ, в которых пребывает.

В данном случае возникает необходимость рассмотрения процесса конструирования современности МНПО более подробно. Основными элементами, конструирующими «реальность при помощи идеологии» [12, с. 340] становится политика, экономика и право. Оценка правового статуса МНПО в отечественной науке представлена работами С.Е. Нарышкина, Т.Я. Хабриева, С.В. Чиркина, В.С. Хижняка, В.В. Овсепяна и других авторов.

Политическим аспектам в деятельности МНПО, посвящены исследования И. Керхера, О. Попова, А. Погорельского, А. Наумова, С. Ляпичев, М. Макфол, А. Шлихтер.

Экономическое влияние МНПО необходимо отметить, как принципиально опосредованное. Поскольку из самого названия следует, что деятельность организаций не связана с коммерцией. Однако МНПО сохраняют рычаги экономического влияния путем создания повестки в отношении той или иной экономической деятельности как от позитивной (Международный Комитет Красного Креста

требует нарастить производство вакцины для устранения вопиющего неравенства), так и негативной (эко-активисты блокируют производство). При этом больший эффект достигается не разовыми акциями, а долгосрочной политикой с использованием международных, административно-правовых и социальных каналов в отношении экономического влияния, то есть теми методами, которые М. Фуко, называл «Governmentality» [13, с. 93]. Так сферой интересов МНПО, является вопрос «позитивных свобод». В части экономики это относится к проблеме распределения ресурсов, что позволяет рассматривать ряд МНПО как элементы политэкономии [14, с. 241].

Таким образом, МНПО имеют возможность конструировать международные отношения [12, с. 78]. Обретая международную субъектность, МНПО становится элементом «мирового порядка». Кроме политологического определения «мирового порядка», необходимо рассматривать его как «порядок» в международных отношениях, в понимании современности. Так, оппозиции субъектности и абстракции, порождают неотделимую проблему «порядка и хаоса», которые по Б.Г. Капустину, снимаются различными «не материальными, духовными средствами» [15, с. 65], в которых утверждается порядок. Утверждение порядка, очевидно, можно отнести к утверждению субъектности, а «духовными средствами» применительно к МНПО, может выступать конструируемая идеологическая проблематика [12, с. 110]. Таким образом, фокус конструкции смещается на идеологическую проблематику (выражаемую в социальных нарративах), а направление идеологической конструкции заключается в повестке (как дискурсе).

Вследствие чего прослеживается «слабое место» МНПО. Актор, способный сформировать наиболее современную повестку, решающую проблему абстракции, становится либо «союзником» МНПО, либо перехватывает у них повестку. Данное обстоятельство показывает, что критика любой субъектности (прежде всего чужой) при «растворении и плазмировании» собственной является лишь инструментом сохранения субъектности. Выявляя проблему утверждения субъектности в той степени, когда другая субъектность становится абстракцией. Это позволяет рассматривать проблемы субъектности, связанные с поздней современностью [16, с. 184- 191] из другого ракурса. Прежде всего на примере политики ряда международных акторов, активно стремящихся к наделению МНПО статусом полноправных участников международных отношений. Так, радикализация оппозиций «современность — абстракция» делает МНПО инструментами, эффективность которых зависит от современности повестки данных МНПО.

Таким образом, возможно сделать вывод, что между модернизацией общества и увеличения в нем МНПО, между увеличением МНПО внутри общества и его мо-

дернизацией, между модернизацией МНПО и радикализаций оппозиций «субъектность – абстракция», имеется прямая взаимосвязь.

При этом необходимо отметить, что проблема перехода к Новому времени не была искусственной. Известно множество примеров, когда Средневековье, декларируя стремление к вечности, утверждалось во временном не менее, чем Новое время. Эту проблему рассматривали как философы эпохи Возрождения [17, с. 199], так и впоследствии А. Шопенгауэр.

Значительное место проблема соотношения вре-

менного и вечного заняла в русской религиозной философии (В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, Г.В. Флоровский, С.Н. Булгаков). Их мировоззрение также может быть применимо в вопросах разрешения рисков, несомых МНПО для современного общества. Поскольку ряд МНПО несут безусловную пользу человечеству, необходимо исследовать, возможна ли безопасная деятельность МНПО. Но если вопрос субъектности становится вопросом жизни, необходимо рассмотреть наиболее верное решение этого вопроса, ведь как писал Кант, «Любовь к жизни – есть любовь к правде» [19, с. 165].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гегель Г.В. Ф. Соч.: в 14 т. Т. 4: Феноменология духа / пер. Г. Шпета. М.: Соцэкгиз, 1959. 488 с.
2. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций / пер. с нем. М.: Весь Мир, 2008. 416 с.
3. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914-1991) Москва: Прогресс-Академия, 2020. 688 с.
4. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко М.: Институт экспериментальной социологии; Спб.: Алетейя, 1998. 160 с.
5. Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М.: РОС-СПЭН, 1998. 308 с.
6. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Пер. с нем. В.В. Бибикина. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2013. 288 с.
7. Бергер П. Понимание современности: К критике современности // Социологические исследования. 1990. № 7. С. 128 – 141.
8. Харман, Грэм. О замещающей причинности / пер. с англ. А. Маркова // Новое литературное обозрение. 2012. № 114. С. 75 – 90.
9. Латур Б. Политика объяснения: альтернатива // Социология власти. 2012. № 8. с. 113 - 143.
10. Вудард Б. Динамика слизи. Зарождение, мутация и ползучесть жизни. Пермь.: Гиле Пресс 2016, 124 с.
11. Morton T. Ecology Without Nature: Rethinking Environmental Aesthetics. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 2007. P. 149.
12. Wendt A. Anarchy is What States Make of it: The Social Construction of Power Politics. Cambridge: International Organization. № 46. 1992. 561 p.
13. Foucault M. The government of self and others. Palgrave Macmillan: New York City St. Martin's Press 2010. 210 p.
14. Robert G. Gilpin Global Political Economy. Princeton University Press, 2011 г. 440 p.
15. Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М.: РОС-СПЭН, 1998. 308 с.
16. Делез Жиль, Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. [пер. с фр. и послесл. Я.И. Свицкого] Учреждение Российской акад. наук Ин-т философия. Екатеринбург: У-Фактория; Москва: Астрель, 2010. 892 с.
17. Адо П. Духовные упражнения и античная философия / Пьер Адо; предисл. А. Дэвидсона; [пер. с фр. при участии В.А. Воробьева]. Москва: Степной ветер; Санкт-Петербург: Коло, 2005. 444 с.
18. Кант И. Религия в пределах только разума; перевод с нем. Н.М. Соколова. Изд. 2-е. М: 2011. 231 с.

© Кучин Александр Васильевич (kuchinalexandr21@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»